Сон: Троллейбус

И вот, я вышел из института с чувством человека серьезного, но не до конца понимающего: а это зачем?
В сознательном возрасте, завершить начатое в далеком прошлом. Окутанном теперь уже чувством произрастания юного побега в неизвестный и от этого страшноватый, но все равно манящий неизвестностью, дивный сад.
Пора тепличного школьного детства, время заботливо ухоженной рассады прошло, и вот он новый мир - сказочная Чаща или обыкновенная Роща?
Сейчас же молодое еще, но уже криволапое дерево лесотундры, наполненное этим сказочным и не желающим сдаваться волшебством, пустило корни в вахтовую жизнь, и корнями своими - грозовыми разрядами, стелется по поверхности северной вечной мерзлоты.
Поверхностность. Скачки по верхам. Неусидчивость и неспособность завершать начатое до конца - моя характерная особенность.
От этого, выходя из института, старинного здания, стоящего по улице Челюскинцев еще со времен далекой, знакомой мне только по книжкам эпохи, я чувствовал себя непривычно ответственным, размышляющим об этом странном, и только что воплощенном желании, закончить магистратуру.
Вспомнил первую любовь Настю, сейчас, ассоциируемую видимо, с вот этой серьезностью намерений в юридическом моем бесполезном образовании.
Настя, как и я (если не считать пять лет проведенных на юрфаке и наличие диплома) не имела отношения к юриспруденции никакого и произрастала в иной лесополосе не сильно дремучего степного массива - нефтегазового института имени И. М. Губкина.
Куда однажды дорос и я.
Настя рассказывала на вечере встреч, по случаю двадцатилетия пикировки гимназисткой рассады, что работает инженером по специальности. Опять, как я.
Первая любовь. Ну, это так положено, чтобы какая-то конкретная, запомнившаяся на всю жизнь влюбленность, запомнилась особенно.
Я еще размышлял кому отдать первенство - ну, посудите сами!
До Насти первой любовью была Яна, девочка из начальных классов школы, в которой мы учились, когда жили на Севере.
На языке растений, этот период жизни был замачиванием семечек для будущего проращивания. Опытные садоводы говорят, чтобы растение получилось морозостойким, замоченные семена перед посадкой надо выдерживать на морозе.
Маленькие мы, дети рискнувших романтиков, что отправились растить свою молодую любовь на крайний север в это наполненное необходимым для роста человеческим теплом приключение были разные. Разносортные, разнокультурные семечки, хранящие потенциал плодов Большой Советской Земли.
Яна была круглолицей, светлоголовой, южной, и кажется Украинской ягодой.
Интересно, дыня это ягода?
Для нее я украл (первое мое воровство) у мамы редкие, импортные тени. Которые Яна, как я позже рассказывал отвергла.

Я поступил естественно глупым образом, сбросив эти непринятые дары с 7 этажа моего же подъезда, в отверстие между перил, и наблюдал как они летят, рассыпаются мелким фиолетовым пластиком, вниз.
Туда где жила на первом этаже наша цветущая Оренбургская семья до 1995 года.
По наступлению 95ого мы отправились обратно в путешествие на восток, закалив для будущих вахт морозостойкого меня, и готовясь к рождению новой маленькой семечки - будущего чудесного цветка моей жизни сестры Сони.
Ей север был ни к чему. Ее ждет совершенно иная, сказочная, летняя, тюльпановая история.
Кстати, эта моя фантазия об отвергнутом подарке, скорей всего, была плодом успокоительных искажений прошлого. На самом деле, я просто постеснялся, испугавшись такого взрослого проявления своих чувств, вручить их Яне. Может потому что тени была уже используемы, а может от того что я был толстенький и в очках.
Хотя и осколки между перилами замечены не были, Мама своим чутким сердцем к тому времени уже разоблачила ложь (ложь-то у меня точно была не первая) и принимала мои слезные заверения о непричастности к краже.
А потом я вспомнил.
Совсем недавно за семейным ужином, в ответ на краткое упоминание этой истории и то что я пишу о ней, папа вдруг рассказал, что Янина мама приходила к нам домой и принесла тени обратно..

Во мне возникло потрясающее чувство прошлого, незамедлительно восстановившее цельное воспоминание.

Оказывается был еще один, совершенно другой набор помимо того, который я разбил!

Он был разнообразнее и ярче, и у меня перед глазами возникло радужное, словно богатая акварельная палитра, изображение второго, более дефицитного набора.

Картина заиграла новыми яркими красками!

Получается в свои семь я был уже рецидивистом...

И хотя мы с отцом оба, с вычисленным соотношением, преувеличиваем все важные события, он - в десять раз, я - в три, таким образом украшая их, чтобы привлечь большее внимание к проблеме или наоборот приумножить радость, эту историю, батя, придумать не мог…
Он и не знал подробностей, до этих моих откровений.
Звучит невероятно, но именно поэтому видимо я и забыл вторую часть истории - так заботливый мозг оберегал меня - неготового принять еще всю глупость собственного поступка, и сопутствующего ему чувство вины.
Сейчас готов.
И теперь в полной мере могу признать: своему порыву, я жертвовал любимую мамину вещь.
Дважды. Значит завершать начатое я все таки умел.
Это был трогательный порыв, которому я выбрал неподходящие средства.
Хорошо, что вспомнил.

Виноватые мысли похожи на жучков-короедов, со временем превращают ствол в труху.
К счастью всегда где-то рядом есть спасительный клюв дятла, что хоть и долбит ту же кору, прекращает разрушительное влияние своим хирургическим вмешательством.
Дятел звучит так: Больше. Так. Не делай.
Больше! Так! Не делай!

Спасибо, дятел, что прилетаешь ко мне. Спасибо мама, что прощаешь.
Слава Богу сейчас, я могу купить Тебе любые тени. Но не буду. В этот огромный мир, в котором женщина самостоятельна, мужчине, пусть и сыну лезть наивно и бесполезно, вредно и небезопасно из любых побуждений. Я стараюсь проявлять любовь иначе. Трудовыми подвигами и ленными преодолениями на грядках в огороде деревенского сада, в котором благодаря Маме и Папе цветет наш без преувеличения, дивный Сад.

Я углублялся.
На углу восьмого марта, поворачивая направо, каким-то боковым зрением и мечтательным чутьем заметил, почувствовал через дорогу от себя кадр из очень простой и не особо важной сцены. Две дамы не успевшего (да и не собиравшегося) быть определенным мною возраста, веселым бегом взбегали под крышу крыльца, спасаясь от капель слепого дождя. Крыльцо вело в некую подвальную лавку, неизвестную историю, а они именно, что взбегали и несомненно в лавку. Ну, в крайнем случае магазинчик, но, чтобы непременно подвала старинной кладки и каким-то таким французским настроением!
Было здорово и весело зацепить их, пусть и на секунду, своим вниманием - красиво, а большего и не надо.

Мой путь вёл дальше по 8 Марта к зеленому базару, где напротив роддома маленьких человеческих детей, (семечек еще с мякотью) располагалась в моем детстве, большая остановка дачных, маршрутных автобусов.
Автобусы разные.
Горбатенькие пазики и длинные оранжевые икарусы, соединенные резиновой гармошкой, надламывали автобус пополам на поворотах и перепадах высот, горизонтально и вертикально, чтобы можно было весело стоять там и балансировать.
Это солнечное место всегда было наполнено настроением делового ожидания. Газеты, картузы и косынки, семечки, шелуха от них, сумки с рассадой и прочей дачной снедью - эта родная моему сердцу теперь, а ранее в детстве ненавистная остановка, с которой мы с бабушкой ездили на дачу, туда, где все время надо что-то делать на жаре, была целым миром моего детского восприятия. А я был капризным ростком.
Помню залитый солнцем пятачок для светолюбивых, многолетних, с потресканной морщинами корой, растений-пенсионеров, где находилось немного сидячих мест на старых досках лавочки остановки. А вдоль заборчика у теплотрассы, на обернутой в стекловату тысчёвке, перетянутой проволокой, лежали заботливо расстеленные картонки. Бабушка покупала мне мороженое в стаканчике, чуть дальше, за выкрашенной в желтый, бочкой с квасом и продавщицей, с большими и толстыми бицепсами. Мороженое таяло и капало на колени, покрытые корочкой незаживающих болячек от падений, с купленного бабушкой же Школьника (моего первого велика). А я делал дырочку, прокусывал дно вафельного стаканчика, и высасывал холодное и вкусное мороженое.
Мороженое я любил. И бабушку. Очень.
Было Солнечно. И жарко.

Тогда же на улице Комсомольской находился знаменитый комиссионный магазин Тысяча Мелочей, где однажды солнечным днем ехал Троллейбус.

Сколько мне было: три, четыре, пять, шесть, семь? Наверно так, потому что в августе 1991 мне исполнилось семь, и позже я бы не встретил этот замечательный хор пионеров. Они искренне и весело, вместе с задорной вожатой, пели песни!
Мне запомнилась одна песня-считалочка про овечку, у которой отвалился хвост. Недавно нашел в интернете текст этой песенки и понимаю почему маленький, я слушал завороженно. В песенке овечка умирает, у нее отваливается хвост - и раз два три четыре пять шесть семь, а ребята-пионеры с неутомимым, уверенным задором утреннего солнца оживляют её, и припаивают хвост на место, сопровождая магию исцеления обратным счетом: семь шесть пять четыре три два один!
В итоге песня наполнялась тем юношеским всемогущим протестом, который прекрасен сам по себе и взрывоопасен, когда его используют бесчестные манипуляторы. Видимо из-за этого неосознанного в полной мере воспоминания, позже я полюбил песню Алены Свиридовой про бедную овечку, повзрослевшую и познавшую своим овечьим сердцем любовь. И наверное поэтому, я все время добавлял капельку волшебства, завершая так любую важную мысль или ответственное дело, как аминь в конце молитвы, считал - и пять, и шесть, и семь. Это и была моя молитва.

Я шел вдоль здания роддома, оставляя мое дачное детство по правую руку от воспоминаний.
Мне нужна была другая остановка родного моего Троллейбуса-двойки, всегда везущего домой.
Раньше он проходил по Советской, давно уже пешеходной улице, а сейчас вот, видимо прятался где-то тут, на параллельной улице им Валентины Терешковой.
Прямо раскинулся Зеленый Базар.
Подходя к нему, я очутился в странной и уютной местечковой обстановке до этого ни разу не попадавшейся моим глазам, ушам и другим органам восприятия. Разве что чувствам?
Чувства, основанные на вспоминании других чувств, более ранних, они взаимодействуют и меняют друг друга, взаимным влиянием создавая новые чувства по прежним.
Так будущее меняет прошлое.

Вдоль массивной, крепостной стены кирпичного забора находилась продовольственная часть центрального рынка: внезапные формами огромные степные помидоры, большие, золотистые, взывающие к чувству голода своим ароматом чебуреки, полосато-зеленые, выросшее на Соль-Илецком соленом воздухе арбузы, волосатая кукуруза пыльных полей и вся прочая бакалея дачных массивов. Тут же, соседствовали рядами хозяева бесчисленных предметов туалета - модных и не модных, ярких и серых, качеством получше и похуже. В детстве я одевался именно здесь. Помню тупоносые ботинки в сеточку, я чувствовал себя неотразимым красавчиком, примеряя их, под дружный хор королевских комплиментов продавцов.
С окраин в то же время, и с наружной стороны базара, вели бизнес торговцы попроще: старые какие-то железки, болты, шнурки, гайки и прочий, в разные моменты для кого-то видимо полезный, хлам. Еще был птичий рынок.

Первой на углу Володарского стояла палаточка с навесом и девушкой продавщицей, которая торговала особенно меня не заинтересовавшим ширпотребом: пластиковыми

будильниками и расческами с зеркальцем. Она выглядела живой, бойкой и неравнодушной.
У перил крыльца безымянного павильона расположились уличные музыканты, и играли Дюка Эллингтона, мою любимую - In a Sentimental Mood.
Помню, что у них были гитары и еще какие-то инструменты, и кажется я догадываюсь почему именно Дюк.
Так звонит мой айфон, мелодией памятного, записанного на домашней студии рэпа, который не принёс желанной славы, зато был важным моим свершением - признанием самому себе, и напарнику Споуку, что могу я, всё-таки, довести начатое до конца. И что еще важнее, могу справиться с жаждой тщеславия - принять правду о том, что никакая я не суперзвезда.
Сам Диман записал пару по моему (и своему) мнению восхитительных треков, глубиной которых я был вдохновлен. И как сказал мне недавно, рад, что нигде их не выкладывал. И я рад. Хоть и выкладывал - и его, и свои песни понемножку то тут, то там. Но моя радость по другим причинам.
Под толстым слоем отстоя - в прошлом лежит история.

Дав музыкантам в разложенный гитарный кофр двадцатку - два бумажных червонца, я обнаружил, что местечко заканчивалось тупиком, конечной целью ведущих именно сюда тропинок.
В сизом дыму местные мужики из рыбаков сидели у старых своих советских велосипедов и торговали рыбацким скарбом: запомнились особо жестокие крючки, которые хотелось назвать по аналогии с бесчеловечным - безрыбными, с обратным массивным стопором - они были страшные и, наверно, тоже советские. Один из рыбаков доминошным жестом, как-то грубовато и необходимо развернул меня, возвращая обратно к чудесной музыке, дал понять, что дальше для таких как я дороги нет. Рыба!

Некоторое время назад был трехдневный фестиваль крафтового пива, одно из мероприятий которого, по интригующему совпадению, проходило именно здесь - в местечке моего сна.
Напротив дачной остановки, за спинами музыкантов, рыбаков и девушки у палатки, как будто специально для меня на 8 Марта открылся не полностью готовый еще бар с соответствующим названием - Ноунэйм. Я пошел туда, чувствуя естественную связь этих мест, за вдохновением, чтобы
сложить сон и явь, оживить чувства и записать что-то интересное.
Вечеринка в баре запомнилась сумасшедшими сочетаниями в пиве тропических фруктов, перца чили, томатов; атмосфера была размыта этим хмельным и бражным чувством. Встречались старинные друзья (прекрасные дети маминых подруг), всё было в кальянном тумане, на мне был модный метиронический свитер с матершинной надписью, подаренный любимой женой. Надпись гласила, что надо было меня сразу слать…

Я чувствовал, нужно было вернуться и обойти этот несуществующий в действительности музыкально-рыбный квартал своей сонной фантазии, прогуляться по проезжей части в ожидании Троллейбуса, и через пришедшие чувства отправиться воспоминаниями в путешествие по прошлому. Нужно было осмотреться и поверить знакомые с детства места на совпадение.

Дойти до киосков у Восхода.

Торговый дом Восход, официальное лицо Зеленого Базара, являл собой пределы мечтаний и вершину карьерной лестницы уличных предпринимателей, что терялись в крытых рядах, под яркими и пыльными навесами центрального городского базара. Центральный вход, хорошо знакомая местным теневая сторона рыночной торговли, где валютные менялы за долгие годы открывали способность телекинеза: одним взглядом сканировали клиента, считывали данные и передавали информацию о курсах валют, и другое для способных воспринять.
Вряд ли я шел сюда именно за кофе с мороженым, но было так.

Настроение, которое дарит запоминающийся сон, с каждым днем теряет наполненность яркими чувствами. Переживается.
Я постарался запомнить и выразить словами эти аргументы и факты параллельных миров сразу же, по пробуждению, предав бумаге. Записал на диктофон.

Одним ранним утром я проснулся с отчего-то важным словом - граждавитация.
Сейчас оно кажется нелепым, но я оставил его здесь, потому что было, значит нужно.
Насколько полезно записывать свои мысли в этом нежном состоянии ночного восприятия, настолько же вредно, поддаваясь порыву, отвлекаться на не свои.
Например зайти в чат или пролистать ленту новостей только что проснувшись. Наша ночная открытость, даже можно сказать ранимость, встречаясь с информацией из внешнего мира переносит нас в состояния оценок и противостояний, влияний и реакций, споров и примирений - так начинается День.
Кстати с граждавитацией, не вдаваясь в подробности, я разобрался.
Этот разбор - шаг навстречу к пониманию себя, расшифровка тайного.
Индивидуальный сонник, пользы от которого намного больше, чем от универсальных сборников, хоть и питаемых силой массы читающих их, однако остающихся лишь тем, что ты, примеряя на себя - порой одеваешься не по размеру.

Возможность писать вдохновенно и хорошо связана с чистотой помыслов и дел.
В обратном случае текст начинает терять силу и больше наполняться работой ума, а не чувственными образами, в то время как на очереди уже ждут новые истории, новые чувства и настроения, сны догоняют друг друга, уступая в приоритетах.
Ну, и пусть! Хоть первоначальное и меняется, уходя в прошлое, оно всё равно остается, и с помощью диктофонной записи я сумею дорассказать.

Итак, мне нужен был Троллейбус, чтобы вернуться домой к жене Вике.
На выставке молодых художников, где по поводу того же праздника пива недавно была дегустация медовухи Степь и Ветер, я случайно нашел две работы художников - Деда и Александры. Оба они написали оранжевый Троллейбус.
Дед сказал, что рисовал свой по ненависти, а я ему рассказал, что тоже пишу о Троллейбусе, только по любви.
И в итоге выбрал грустный Сашин Троллейбус. Он вечно держит курс по Кирова мимо мечети и второй гимназии, в сторону казахской степи - на восток. Туда где встаёт Солнце.

Вика.

Долгим полярным днем трехмесячного лета, тундра дымила сухим ягелем, карликовое дерево стояло в этом копченом, стелющемся тумане и своими распускающимися шишками, мягкими иголочками, ощущало счастье.
Южное, розовое солнце низкого и бесконечного, как всё в детстве неба, взошло. Расцвёл север и прогрелся. Вечная мерзлота подтаяла, теряя слои поверхностности, позволяя моему дереву укореняться глубже.

Бесконечное лето - рассвет жизни, напоминало поездку в пятилетнем возрасте к прабабушке и прадедушке в Бузулук. Тогда для северного ребенка всё, что зеленело было капустой, а каждая ползающая букашка тараканом.
Бузулук…. Бочка с теплой и тягучей смолой, в которую пацаны с района окунули меня пятилетнего, голенького совершенно как-то беззлобно; смолу мы жевали, а бабОля часто причитала и хранила, срезанные с меня, одеревеневшие трусики-чайки в шкафу, где на самом верху стоял портрет Есенина. Его я (по причине отменного бабОлиного чувства юмора) считал своим прадедом, и гордо хвастал об этом в первом классе.
А мой самый настоящий дед Володя брал меня с собой на огороды, и мы заходили в пивную с каменным полом, как будто сделанным из благородного мрамора с такими же колбасными прожилками и давал мне пробовать пену настоящего жигулевского. Прямо из трехлитровой банки, которую мы брали с собой на огороды в авоське. Пахло кислым.
Для него я был мошенник коммунист и большевик - сразу всё вместе в одном лице, а в лице деда была любовь и всегда слезы, когда мы прощались.
Я сентиментальный, как и он.
И впереди было всё.
А мне надо было к Вике.
Думал, а какое она всё-таки растение?
Конечно, южное. Но не подсолнух? Не груша? Не черешня. И не вишня. Не виноградная лоза и даже не тропическое, Индийское - родное, теплое и любимое..
Может быть яблонька?

Викина красота - связь внутреннего упрямого и непокорного характера, с отраженной во внешности, прямотой черт. Эта красота сквозь временное, без кокетства, притворства, стеснения, и без желания соответствовать. Вопреки преходящему она несет вечное и первозданное.
Красота храма ощущается внутри, когда ты прихожанин, идущий за вдохновением божественного света. Но и турист в погоне за внешней красотой величия фасадов может прикоснуться к прекрасному, если последует своим порывам, сделает шаг и откроет дверь в этот неизведанный, чудесный мир.
Кубанская яблоня.
Да. Может быть.
Может быть потому что, плод этого райского дерева отсылает к пограничному. К истоку нагой, совершенной Человеческой чистоты, но и шагу в сторону от нее, к жажде познания.

Я замечаю влияние многочисленных причин на мое восприятие красоты.

Чем больше недостойного и неполезного для сегодняшнего дня я позволяю себе, чем больше теряю контроль, тем больше становлюсь ведомым своими желаниями и привычками, добровольно отдавая им право управлять. Свобода выбирать - самый основной, неприкосновенный закон природы человеческого.
Мы вверяем себя сюжетам и сценариям, и они везут нас по своим накатанным маршрутам, вдаль от восприятия прекрасного, прочь от запланированного путешествия Души.
Оно становится всё менее доступно и как всё ненужное забывается. И как всё неизвестное действует пугающе.

Почему мы точно знаем какая следующая остановка у Троллейбуса, и так часто не знаем, куда ведут нас наши мысли и поступки??
Ведь у каждого есть бесценный опыт, со временем становящийся знанием последствий наших действий.
Мы знаем эти последствия, но забываем их по невнимательности, пренебрегаем и не доверяем им.
Конечно проще верить в случайности и совпадения, сетуя на несправедливость жизни, чем искать причины в себе. Так и нежелание искать становится привычкой.

Остановка Троллейбуса располагалась там, где ее не было в реальности, но вполне в какой-то другой она была, и так же как сейчас располагалась между торговой палаткой и пятачком, где помятый и подвыпивший фронтовик в военной форме, уставши, стоял неподалеку от дачной остановки. Рядом с ним едва различимо, скрытая таинственным туманом, устроилась дама сердца.
Я остановился напротив у палатки и мое внимание, привязанное к месту - потекло в разные стороны, подмечая, дорисовывая, незамеченное ранее.
У обочины женщина с равнодушным выражением лица, являвшим следы красоты, несколько смазанные отчужденностью, передавала всем своим видом ощущение некой беды, загадки, разгадывать которую не хотелось…
Но я всё равно догадался по тому с каким волнением и надеждой как-то всё исправить, беспокоилась рядом совсем непохожая на нее молодая девушка-продавщица, что это печальная женщина, ее мама. Проблема, я чувствовал, и была в их непохожести.
Мужик в военной форме встрепенулся, весь подобрался, и торжественно объявил: Виктория посвящает Игорю! Запел какую-то лабуду.
Все вокруг затанцевали, испытывая нелепое, вынужденное уважение, как будто из вежливости и боязни обидеть военного человека, будто впадая в транс.
Самое неожиданное, что и я почувствовал неловкость, и не желая выделяться из толпы, превозмогая стеснение, затанцевал. Подумал - так смешно, Вика мне точно не поверит…

Неловкость прервалась вместе с выезжающим из-за угла, прямо тут между торговыми рядами и не причиняя им вреда, в аккурат уместившимся Троллейбусом; величественно нависая над нами, Троллейбус остановился.
В последний момент я разглядел номер двойки на лобовом стекле в старой, но все еще нарядной рамке. И взошел.

Маршрут троллейбуса - бег по кругу.
Все наши установившееся реакции и принятые в соответствии с ними убеждения - это зависимости, повторяя которые на автомате, бездумно, мы неизбежно прибываем туда куда надо самому маршруту, но не надо нам.
Маршрут изъезжен и обычно не может сворачивать на новые дороги из-за привязанности к расписанию и контактным линиям сети.
Из дома на работу и обратно. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы..
Хорошо, если привычные дела позволяют быть счастливым - любить и саму дорогу, и то счастливое ожидание прибытия, когда мы едем к известной цели, любуясь пассажирами и видами в окно. Ощущаем радостное ожидание прибытия.
Последовательность остановок предсказуема, ибо если ты выбрал сесть в двойку, глупо думать, что она отвезет в Степной, ее предназначение возить из Центра на Маяк и обратно. В этом ее правда, задача, и смысл.
За Поповой всегда Автотехникум, а после Культурной Ткачева, если ехать в одну сторону, и Рыбаковская с Ногиной, если в другую.
Иногда неожиданно, Троллейбус проезжаем мимо с табличкой в депо, или пропускает остановку, в отсутствии выходящих и ожидающих. Но рано или поздно становится понятно, что и это закономерно.
Практически невозможно изменить цикличный бег созданного маршрута.
Проще сменить сам маршрут, выбрав подходящий для своих целей.
Или остановить Троллейбус.

Вся огромная взаимная связь наших проявлений, намерений и устремлений - карта Пути.
Сценарии поведения, программы мышления и чувственное восприятие всё так перемешано, что когда сделанные выборы, ставшие частью нас, приносят свои закономерные плоды, и водят по одному и тому же маршруту изо дня в день, из жизни в жизнь мы иногда перестаем понимать – зачем?
Этого я в итоге хотел?
И теряя нити этих связей, удивляемся и недоумеваем, жалуемся и восторгаемся, или вовсе не обращаем внимания на причины того, где мы сейчас находимся, куда мы идем и в чем смысл.
Мы принимаем данность, ежедневно подтверждая себе и другим, свои роли в стремлении оправдать соответствие, и перестаем думать о том, а моя ли вообще эта роль, о ней ли я мечтал…
Часто мы ищем доказательства не существующему в настоящей жизни, а лишь оберегаемой в умах колее, которая ведет, созданная из чьих-то правд и правил, пусть даже и Твоих в прошлом, по гладким и спокойным своим бокам.
Смелость нужна чтобы задаться вопросом, а действительно ли это - мое призвание? Моя мечта? Или можно выйти? Выбраться из колеи?!
Мне помогли ночные смены на вахте.

Редкие мгновения жизни без привычного влияния химических веществ, с перерывом в общении с дорогими людьми, с ночами и днями, поменянными местами. Это тот путь к себе, когда ты вынуждено, в силу неизбежности отсутствия желаемого, и наличия вынужденного, приходишь к непривычному. Знакомишься с воздержанием.
Начинаешь видеть истинные мотивы и причины своих действий.

В одиночестве ты - единственная инициатива всего что происходит и ответственность целиком лежит на твоих плечах. В то время как за компанию можно многое себе простить.
Но когда ты один, не больно-то чего и хочется. Хотя одиночество это довольно условно, нет изоляции в природе, как и пустоты, а значит мы общаемся всегда, просто в отсутствии человека мы продолжаем общаться с животными, растениями, одушевленными вещами, богами, духами, силами… И в чистоте слышно их ответ.

Утром отправляясь с ночной смены спать, я чувствую себя сильным и одиноким, благодарным этой данной, протянутой руке помощи, которую слава Богу я сообразил не оттолкнуть, не воспринять насилием и лишением – это и был мой шанс.
Шанс на смелость, чтобы задаться этим важным вопросом о своем пути.
Нет, это не изменило сразу движения моего Троллейбуса, однако позволяло думать о том, почему я здесь.
Почему я как будто предчувствую на какой остановке буду завтра?
Но свобода осознания еще не свобода действий, а всего лишь начало - маленький шаг к ответственности, которая больше не позволяет оправдываться, мудрым житейским принципом: «не знавши - не в падлу». Now you know, как говорится.
Ты же знаешь на какой остановке окажешься в следующее мгновение, если повторяешь хорошо известный тебе путь?
Напиваясь в субботу вечером, ты уже строишь планы на утро воскресенья.

Троллейбус №2 был образцовым, чистым и современным, с оранжево-коричневыми сидениями с ровными, не успевшими еще деформироваться под весом многочисленных пассажиров, прямоугольными линиями граней.
Заходя, я поинтересовался у паренька справа, произнося своеобразный пароль, который каждый из входящих озвучивает совершенно по-своему - от недовольного ворчания до искреннего пожелания всем доброго времени суток: двойка это? Паренек подтвердил.

Помню в детстве моем была веселая женщина-контроллер, улыбкой приветствующая еще просыпающихся граждан, она протискивалась в темноту зимних будней словами: Лыко да мочало, начинаем день с начала!..
Это было настоящее доброе утро и ее бодрый настрой округлял уголки губ пассажиров, вверяя всех нас рассвету нового дня.
И еще, вспомнился мужик с вахты, этот каждое утро залазил в вахтовку (в вахтовку именно залазиют) с неизменно чудаковатым и от этого смелым обращением-приветствием, которое по утру вызывало у меня возмущение, днем позёрское подшучивание, а сейчас, когда мы не встречались уже много лет, некую симпатию и даже уважение к его обязательной фразе: Доброе утро, дорогие граждане товарищи, кто из мужиков!
Мы с мужиками переглядывались типа – ну-ну! Но где-то в глубине ватных метелушек грелось одобрение - да! Мы - мужики и это про нас.!

Я мечтаю о том, что они оба - эта женщина-контроллер и странный вахтовик (из мужиков), до сих пор сопровождают жизнь этими яркими, запоминающимися приветствиями, согревая чьё-нибудь утро.

Я выбрал незанятый ряд спиной вперед.
Обстановка вполне соответствовала привычной действительности, и единственной страной деталью, говорящей о том, что это все-таки сон - была фантасмагорийная установка стимпанк вселенной, в которой техническое развитие цивилизации остановилось на паровых машинах и продолжалось развитием магии. Находилась она на дальней стене и была похожа на сердце. Сердце Троллейбуса.
Сверху проходили кабели питающие наружные рога.

Я сел у окна, куда сразу следом протиснулся приятного впечатления молодой человек, интеллигентно, как-то застенчиво улыбающимся взглядом, спрашивая моего разрешения, присесть рядом.
Интересно, что вот это восприятие незнакомцев, происходит тоже самостоятельным образом, и состоит из многих входящих данных, которые определяются инструментами восприятия: памяти души, языка тела, запахов, звуков и многого, что мгновенно дает нам первое и обычно довольно точное впечатление от знакомства. Но все равно, это лишь предварительный результат. И он обязательно будет поверен новым опытом. Экспериментом более близкого знакомства. В процессе которого мы фокусируем истину объективом наших преходящих правд, для уменьшения искажений ее изображения.
Вообщем мне понравился этот парень - я чувствовал симпатию.
Вместе мы попытались уступить наши сидячие места бабушкам, зашедшим на следующей, становясь от этого еще ближе, но благо мест в салоне хватало, чтобы разделить радость от соседства, я предложил ему свою музыку в наушнике аэрподса.
Солнце светило нам.

Симпатии, возникающие сразу, при первой встрече это результат влияния дружного союза всех данных входящей информации,
Я думаю, радость первой встречи дается в аванс и после проходит испытания завышенными ожиданиями, вседозволенностью и наглой уверенностью того, как надо и как будет правильно для близкого (мы-то знаем!).
Сможем ли мы преодолеть разочарования от несогласия и непонимания и усмирить наше желание причинять добро?!
Так и от обратного. Когда приятие возникает не по первому впечатлению, а дается постепенно вместе с развивающимся знакомством, проходя путь через трения, ссоры, раздражение – после оно дарит радость дружбы как награду за желание узнавать друг в друге хорошее.
Поэтому не стоит бояться неприятных, как и обольщаться симпатичными незнакомцами. Узнавание всё расставит по местам.
Просто выходит, что оба этих пути содержат в себе потенциал целого! И учат не опускать руки если сразу не дано и не получается.
Симпатия, рожденная благодаря желанию и труду, наверное и дорогá тем, что заслужена и прожитá. Она приходит с верой и надеждой в любви к ближнему, и покидает, если уважение сменяется насильной слепой заботой под видом самых

благих намерений. Знакомство с лучшим другом часто начинается с драки, а первое впечатление звучит как: ну, что за дурачок!

Прямо, через ряд располагалось место кондуктора - закуток, окруженный нехитрым лабиринтом овальных поручней.
Совсем недавно, во времена дефицита прекрасного, когда люди были доверчивее и не стеснялись своих фантазий, можно было встретить на этих местах королевские троны из советской плюшевой мебели, с бархатными накидками, обитыми по краям бахромой, как в вестерне, с восседающими на них ковбоями, настоящими хозяевами салонной жизни..
В этот раз, кресло было простое, новое с такими же острыми и недеформированными гранями коричневой экокожи.
В нем сидела женщина, вылитая как из мема про пять, десять, минут пятого и была одета в грустно-коричневые тона, не по погоде.
Она сидела в немодной, норковой, а может быть ненорковой шубе, и практически такой же клочковатой шапке, какие мы в детстве называли крышами, и смотрела прямо перед собой.
Похожий комплект-пару я совсем недавно встречал в Калининграде.

Блошинка в старом Кёнигсберге - пирог веков, в котором выставлялись на продажу настоящие изюминки Прусской истории с пропорциональным количеством новой, бесполезной пока еще чепухи - типа латунных, отлитых в Китае статуэточек, ручек с плавленным янтарем и остального.
Помимо закупки особо никому не нужных сокровищ, здесь велись разговоры. И у продаваемых здесь вещей было, что рассказать, у них была своя история. Разговоры местных жителей - дыхание современности, своеобразный индикатор здоровья города и наполняющего его царства людей.
Благородные жулики, праздные зеваки, сметливые дамы, ушлые дельцы, добродушные старички - здесь были все и многие вовсе не из-за денег.
Люди делились своими историями, историей вещей, историей города, города что был когда-то почти разрушен неизлечимой нашей болезнью - забывать.
И после множественных архитектурных и культурно-этносовых ампутаций, последующей пересадки, донорских вливаний – он жив до сих пор. И его стены помнят.
Женщина в шубе и шапке сидела и смотрела прямо, сквозь меня и сквозь моего симпатичного соседа, сквозь металлических стен Троллейбуса. И я не знаю была ли в ее взгляде конечная цель. Зато знаю, что почему-то захотелось оградить ее от всех бед и несчастий своим сочувствием.

Инстинктивный природный зов человека к человеку, произрастающий из самой сути человеческого сердца, естественная потребность, что наверно и стала однажды основой, фундаментом для рождения морали, культуры и этики. Но в этой основе остаётся всё меньше изначального смысла, вложенного предками. Он исковеркан, подменен, предан забвению. Стирается понимание предков современной жизнью, кроме одного. Самого источника - Человека.
Но так или иначе, не обязательно разрушать построенное в веках, чтобы не жить в руинах!
Каждый, сам может построить свой дом - полный живых правил!

И строя, опираться на заветы предков – если не понимая их, то ища смыслы. И найдя - если не доверяя, то хотя бы проверяя их. Хорошо, когда есть, что проверять!
Для разрушения старины причины две: осознание собственной ничтожности перед великим, неизвестным прошлым, и вторая более печальная - равнодушие.
Застревание в узкой повседневной суете забвения.
Стоят еще древние мегалиты мудрости старины, молчаливым напоминанием нам.
Неразгаданной тайной.
И пусть стены эти и занимают искаженные смыслы, для придания величия невеликому.. Ложь истории, обвивающая исполинов, украшенная, расписанная витиеватыми узорами, изящно переплетается с тенями истины - становится оружием завистников. Так вьётся плющ, становясь неотъемлемой частью архитектуры и украшением древних арок.
Но вечны стены перед диким плющом, и трудолюбивая рука, придя однажды к руинам, с любовью вырастит виноградную лозу. А может даже оставит уютную стену вечнозеленой лиане, как напоминание о былом. Всем есть место под солнцем.
Было, значит нужно помнить.

На одной из следующих остановок в Троллейбус вошёл энергичного вида дядечка.
Нетолстый, с упитанным животом и аккуратной бородкой, как у Чехова.
Первое впечатление он производил порядочное - ответственный гражданин двора какого-нибудь образцового дома, но с перебором в сторону занудства.
Сейчас он вполне мог быть инженером в любой области прикладных наук, а раньше, был бы подпоясанный кушаком, купец третьей гильдии из тех, что в силу неустоявшегося еще состояния и переменного успеха, вынужден был держать нос по ветру, находясь в состоянии бодрого тонуса.
Вообщем мне он не понравился.
Из-за женщины в шубе.

Он обратился к ней, как мне показалось, как-то совершенно без искренней нужды, возможно упражняясь в умении вести светские беседы, проявил участливость.
Не удостоенный ответа, впрочем, как и любой другой был бы на его месте не удостоен, по причине странного состояния женщины, он обиделся… И так же следуя чувствам, обычно возникающим при переживании обиды, стал изливать своему компаньону недовольство, говоря о даме с возмущением и в третьем лице.

Наверное, моя реакция от обратного, так же была предсказуема.
Если уж я где решился защищать, доверившись первому чувству - буду упрямо переть напролом, бодаться с навешенным мною ярлыком, но ровно до того момента, пока не придет разочарование….
Тогда мои симпатии с легкостью меняются местами на противоположное.
Отчасти так и вышло.
Не смолчав, я напал. Обычно я тонко чувствую грани в подобном эмоциональном противоборстве, балансируя между обидной силой словесных выпадов, и страхом физического насилия.
Я практически никогда не дрался и чувствую себя неуютно - трушу, когда общение переходит на этот незнакомый мне язык тела.

Несколько же отпущенных мною за всю жизнь оплеух, изначально научали меня тому, что так же как боюсь получить по лицу, я боюсь и совершенно не умею бить. Совершенно немыслимо!

Всё из-за глубокого чувства сожаления из-за невозможности сразу искупить вину (когда оружие - слово, то словом еще хоть как-то можно извиниться, а в случае физических действий, оно намного менее эффективно).
В редкие моменты после нанесенного удара (да, и удар – не удар - так, слабая затрещина) я, понимая, ужас содеянного плакал, пытался обнимать того, кому причинял даже не боль, а обиду, тем самым выпрашивая прощения.
В причинении эмоционального вреда, в чувственном насилии, я был опытен и силён. Довольно точно предчувствую сколько нужно сказать гадостей прежде, чем человек действительно соберется меня ударить. Так дразнят позёры, вкладывая в слова всю злость и ужасную свою ненависть, искусное применения которой, ранит не слабее физического насилия, но не будучи им подкрепленным, имеет грань, после которой наглость прекращается, поднимает белый флаг и отступает, сдается более грубой физической силе.
Вообщем, я заступился за женщину.
Как всегда, подыскал особенно обидное, совсем уж что-то невероятное - сказал мужичку, что расшибу ему хлебососину.
Какой стыд! Во первых потому, что на самом деле расшибать я ничего и не думал, а если бы и думал, то вряд ли мог - а во вторых хлебососина! Квинтэссенция оскорбления!
Сейчас от одних этих слов чувствую себя виноватым и жалким, но тогда в гневе, не сдержав эмоции, я дал мужчине пощечину…

Дальнейшее воспринималось смутно, как будто боковым зрением, мужчина, наверное, оторопев, захлопал ресницами, а я уже ушел в себя, начал переживать случившееся, как всегда, не находя оправдания своей несдержанности.
В диалоге с совестью эмоции являются преградой.

Предаваясь сожалению, я заметил, что вместе со своим мутным соседом, купец третьей гильдии, покинул салон.
Тут же произошло нечто жутковато-странное, хотя странное уже и так происходило по нарастающей, как это обычно бывает во сне.
Дама вдруг ускоренно, на перемотке сложилась сама в себя, свернулась калачиком и растаяла внутрь своей шубы. Исчезла!
Ровным свертком шуба легла на сиденье, сверху легла шапка.
Теперь мне казалось я понял, что причина недовольства раздосадованного купца и была это будущее исчезновение дамы, как будто он заметил его намного раньше, а может это я отставал в восприятии реальности и выглядел в его глазах нелепо, защищая свернутую в куль шубу.
Еще больше убеждаясь, что обидел человека незаслуженно, я, желал ему всяческого благополучия, в качестве извинений моего невнимательного поведения,
а женщина, конечно, исчезла и вряд ли думала обо мне и моих чувствах.

Во мне с давних пор росла уверенность, что каждая встреча не случайна.

Видимо выражение - найти своих и успокоиться, я впервые услышал недавно и степень проявленности моего эго способствовала желанию поспорить с этим девизом. Окружить себя своими в негативе, то же самое, что и оградиться от чужих.
В этом стремлении я чувствую противоречие древней мудрости, которой доверяю и учусь проживать. Мудрость заключается в стремлении воспринимать ближним каждого встречного. Ведь если жить сегодняшним днем, в невычислимом миге сейчас – каждый, с кем ты находишься рядом в эту минуту – и есть ближний….

Радость встреч с друзьями и единомышленниками это прекрасное состояние спокойствия и комфорта, благодатная почва для прекрасного времяпровождения, но есть и обратная сторона.
Отсутствие разногласий чревато отсутствием развития.
Встречаясь с врагами (во всем разнообразии этого понятия), попадая в эпицентр эмоциональных взрывов, мы горим и перегораем, тратим силы, однако, что эти чувства, как не шанс для перемен.
Отрицательный стимул страданий взывает к действиям сопротивляться им. В то время как безмятежность покоя - привычка к расслабленности, как курение марихуаны.
Проходя через неприятные встречи, ты теряешь покой, генерируешь энергию для противостояния, и враг твой по сути оказывает чудесным образом помощь.
Он помогает тебе лучше понять себя.
Через терпение, через сожаление от его отсутствия. Он помогает тебе лучше готовиться: выражать свои мысли, искать в них слабые места. Ты приходишь к невероятным, маленьким открытиям, углубляясь в которые чудесным способом, порой осознаешь их несостоятельность. И пусть враг останется врагом, но оказывая помощь - заслуживает твою благодарность.
Дает возможность ощутить действительно ли ты «воин любви», или пока только воюешь с тенями своих правд.

Как часто, к сожалению, мы избегаем неприятных встреч, стараясь убрать раздражитель.
Такое решение, по моему мнению не является верным, за исключением случаев преодоления пагубной, разрушающей связи или нездоровой зависимости от человека, мудрое решение подобной задачи несёт пользу обоим сторонам..

Но чаще мы отстраняемся слишком рано, не разобравшись, не вникнув в причины наших реакций, поверхностно вешаем ярлык и облегченно успокаиваемся, отстраняясь. Но это ненадолго. Жизнь непременно предоставит тебе возможность еще раз пройти урок..

Искать начало проблемы нужно, конечно, в себе; признавать свою причастность и близость к врагу. Понимание, что врагом ты можешь назвать только того, с кем сошелся в предмете вражды. Это и есть то, что объединяет вас!
Просто вы находитесь на противоположных сторонах одного целого.
Ссорам между мужьями и женами, детьми и родителями между друзьями, им тоже порой сопутствует желание удалиться, не общаться, уйти и не возвращаться. К счастью здесь проще - помогает любовь. Она состоит из знания множества мельчайших подробностей и глубинных совместных переживаний, воспоминаний - всего вместе пройденного на котором мы учимся прощать.

Но искреннее прощение невозможно без желания понять.
Поэтому путь решения подобной проблемы с незнакомым человеком лежит опять же в усердии познакомиться поближе.
И в каждом отыщется дверца, открывая которую, Ты откроешь для себя и прекрасное в человеке. Кто ищет - находит!

Троллейбус набирал скорость.
Я понял это, когда заметил, что собирающийся выходить вместе со своим спутником, оскорбленный мною мужчина, как будто, не замечая ускорения, не дожидаясь остановки, прямо на ходу - шагнул в улицу.
Предсказуемо покатился кубарем, но нестрашно, не по-настоящему, по крайней мере это не вызвало у остальных бурной реакции.
Мы же с моим соседом переглянулись, я повернулся назад, поскольку ехал вперед спиной, и посмотрел на водителя. А он и не собирался останавливаться.

Я заметил, что едем мы не там, где обычно едет двойка. Это было заметно еще раньше, когда я садился у базара, что хоть направление движения верное, траектория пути Троллейбуса смещена.
Идущий параллельно, не по проспекту братьев Коростылевых, а на несколько улиц ближе по основной артерии города улице Терешковой соседний маршрут как будто хотел поведать мне что-то важное.
Мы мчались на всех парах к выезду из города, пересекая Новую, улицу, на который живут мои тетя с дядей.
Водитель был мертвецки пьян…

Это состояние твердой решительности, когда некая сила волной захватывает и несёт человека, наделяя его смелостью, но заглушает любые сомнения правильности пути и желание сопротивляться.
Я, естественно, не трезвенник и часто выпиваю с друзьями, но на утро после веселья испытываю естественное похмелье, которое останавливает меня на какое-то время от продолжения банкета. Вообщем, не опохмеляюсь.
Само похмелье ставит вопрос: а стоит ли причина последствий?!
Водитель был пьян по-другому.
Это состояние знакомо мне по некоторым примерам и, наверное, по каким-то собственным попыткам попробовать продолжить пьянствовать на утро, ища вчерашнее веселье в сегодняшнем дне. И в завтрашнем. И послезавтрашнем…
Тогда в глазах появляется удалая решимость, во что бы то ни стало, вернуть праздник..
Водитель был пьян именно так - он не реагировал ни на выпавших на остановке пассажиров, ни на машины, которые таранил на огромной скорости, и они как в компьютерной игре разлетались в стороны - как будто гравитация стала ниже и позволяла совершать эти немыслимые траектории.
Кружась и вращаясь, словно прыгун в воду в замедленном действии, мимо пролетела бордовая ока.
Нужно было действовать.

Кто не мечтал порулить троллейбусом или освоить профессию водителя? Наши бесстрашные мечты в неизвестность, незнание дороги и целый мир за окном мог хранить в себе - что угодно. Он и хранил.
Хранит и сейчас.
Но для того, что это разглядеть нужна смелость, как в детстве (когда ты еще не научился бояться следствий) - смелость менять.
Добираться с пересадками, выходить не на своей остановке, сворачивать не туда.
Идти за приключениями бесстрашно, не зная возможных опасностей.
Смелость идти в неизвестность.
Проверка на силу желания.
Страх становится трусостью, если не преодолевается, а ты - становишься вечным пассажиром, просто стремящимся поскорее доехать до дома.
Ты почти не ждешь от Троллейбуса приключений. И в этом нет его вины.
Он готов выполнять свое предназначение везти - туда, куда нужно - к своей цели.
Кто везёт, на том и едут…
Это выражение очень нравится мне глубиной скрытого смысла, и тем, что я смог прожить обе стороны этой мудрости. А может смыслов более, чем два, и у меня всё ещё впереди.
Сперва я видел в этой пословице лишь обращение лентяев к лентяям. Она смеялась над важными человеческими качествами - ответственностью, трудолюбием, успокаивая тех, кто не желает трудиться, тем, что всегда можно хорошо устроиться на чужой спине, расслабиться и, паразитируя, вполне сносно существовать. Блатная романтика.
Интересно значение слова везение.
В смысле необъяснимой удачи. Вот повезло! А куда повезло? Может быть раньше, когда люди больше ходили пешком, было всегда приятнее, чтобы тебя возили? Ведь ехать удобнее, чем идти ногами!

Со временем понимание этой пословицы открылось для меня глубже. Я вдруг понял, что она, являясь гимном тунеядства имеет и обратную сторону, как любая хорошая книга, которую открываешь в разные этапы жизни, научившись видеть глубже - и книга ждёт с радостью, готовая углубиться вместе с тобой, открыть тайны мудрости, порой совершенно противоположных смыслов. Тех что ждали Твоего взросления.
Обратная сторона этой пословицы звучит так - чем сильнее ты, тем труднее и испытания, возложенные на тебя. Тем больше, будет и едущих на тебе.
И тем больше будет награда в радости дел Твоих. Награда еще более сложными задачами. Как говорит Вика - каеф возничего.
Рост трудностей, это не наказание, а признание силы тех, кто не побоялся стать везущим, а не едущим и остался верным своему выбору.
Я до сих пор чаще пассажир, чем водитель. Но теперь у меня есть водительские права и стаж растет.
Мне повезло обрести таких учителей, которые терпеливо везли меня на своих плечах – насмехающегося, оголтелого лентяя, раздраженного этой их силой. Раздражение от того, что внутри ты без сомнений знаешь, что давно должен был встать рядом с этими людьми.
И прекрасным чувством оборачивается это раздражение, когда ты находишь смелость сделать шаг.
Теперь, всегда добавляю в конце этой пословицы:

Да! Кто везёт, на том и едут. Но в хорошем смысле!

А во сне, как в хорошем, старом боевике, мы пассажиры-заложники злодея-водителя, оказались в ситуации, в которой всё теперь зависело от нас.
Вопреки ступору, который я видел в глазах остальных пассажиров, во мне просыпалась решимость действовать.
Я был главный герой. Я знал, что нужно делать.
Прямо под потолком, вдоль всей крыши были протянуты веревки, которые соединялись с рогами, расположенными с наружной стороны. Нужно был попробовать за них потянуть, чтобы сбросить и обесточить, съехавший с маршрута Троллейбус.
Эта идея сразу стала понятна и остальными. Мы были объединены общей бедой.
Я крикнул, и кто-то из пассажиров, стоящих ближе всего к этому спасительному тросу потянул, безуспешно. Ничего не происходило.
Тогда преодолевая силы растущего ускорения, я поднялся, и от поручня к поручню, как Стивен Сигал, рывками стал пробираться к сердцу Троллейбуса.

В детстве я задавался вопросом, почему если подпрыгнуть, стоя в начале движущегося вперед, вытянутого транспортного средства, приземляешься на том же месте, а не смещаешься к концу, ведь в тот момент пока Ты зависаешь в воздухе оно едет под тобой?
Говорят, подобным вопросом задавался в детстве Эйнштейн.
Все дело в разнообразии сил, что вступают в игру. Если проделать этот опыт, стоя на крыше на всех парах несущегося поезда, можно познакомиться с силами трения, и сопротивления. Это я понял хотя вовсе не Эйнштейн.
Помню тогда придумалась аналогичная задача о вертолете. Взлетевшем вверх и зависшим в воздухе в ожидании, что Земля, вращаясь под ним, позволит ему приземлиться уже в другом месте.
Эта задача научила, что Земля - не только твердь, но и воздушное пространство над на много километров вперед. И все вертолеты, и все мы – Земля.
Но вертолет не Троллейбус.

Добравшись до силовой установки, я начал дергать и трясти, старался отыскать в незнакомой конструкции что-то, что поддастся мне.
Кажется у меня получилось! Троллейбус начал останавливаться.
Однако посмотрев вперед, понял, что причина торможения не мои усилия, а красный свет светофора, на который Водитель отреагировал.
Всё-таки не смотря на одержимость у Водителя оставались некие нерушимые принципы, подтверждающие его профессионализм.
Через мгновение он стал разгоняться еще быстрее, как в самый ответственный момент фильма, когда на циферблате таймера бомбы остаются считанные секунды.
Я повернулся к установке и вдруг заметил на ней спасительный рычажок - нажав на него, я вновь потянул за тросы сверху, уже понимая, что получилось.
Синхронно с падающими, обесточенными рогами, Водитель уронил голову на приборную панель, как будто тоже расставаясь с источником жизненной энергии.
Водитель улыбался.

После нам вручили грамоты за содействие, а я всё думал об оскорбленном мною человеке…
Больше никогда так не поступлю.
Правда же..?!

О чем был этот сон?

Мы не знаем конечной остановки, прибыв на которую, исполняется наше предназначение.
Мы проходим свой удивительный путь выборами, преодолениями и поражениями.
А они влияют на нас и на маршрут, изменяя его – вносят незапланированные остановки.
Карта запланированного путешествия – Великое Таинство, приоткрывающее свои покровы внимательно живущему Земному пассажиру.
Множество нас сейчас заняты своими делами, а вместе делаем одно большое и общее дело.
И именно твоя поездка может стать помощью остальным, если ты найдешь в себе силы действовать, даже если потребуется остановить, сошедший с пути и едущий не туда, Троллейбус. Чтобы самому сесть за руль.
Я благодарен за это знание.

При написании этого рассказа, я, как и упоминал, естественным образом оказывался в различных состояниях, влияющих на восприятие. От полезных до неполезных и обратно. На своем маршруте.
С намерением вдохновенно делиться чувствами и озарениями, приходящими в чистоте, и с необходимостью же выполнить обязательство - продолжать делиться усложняющимися, по причине периодически затуманенного вредными привычками сознания, своими мыслями, так похожими на нравоучения.
Это наверняка сказалось и прекрасно заметно в изложении моего сна и является подтверждением сделанных при расшифровке выводов.

И у меня получилось.